

Шматко Наталья.

Введение в социоанализ

Пьера Бурдьё

1993

Введение

Пьер Бурдьё — один из крупнейших французских социологов нынешнего времени. Его профессиональная биография складывалась как постепенное восхождение к вершинам социологического Олимпа, к широкому его признанию научной общественностью и формированию отдельного социологического течения, называемого «школой Бурдьё».

Закончив в 1955 году Высшую педагогическую школу (Ecole normale superieure) по специальности «философия» (учителями Бурдьё были Альтюссер и Фуко), он начал преподавать философию в лицее небольшого города Мулен, но в 1958 году уехал в Алжир, где продолжил преподавательскую работу и начал исследования как социолог. Именно Алжиру, алжирским трудящимся и мелким предпринимателям посвящены его первые опубликованные социологические труды: «Социология Алжира» (1961), «Труд и трудящиеся в Алжире» (1964). Затем последовал переезд вначале в Лилль, а потом в Париж, где в 1964 году Бурдьё стал директором-исследователем в Высшей практической исследовательской школе (Ecole pratique des hautes etudes). В 1975 году он основал и возглавил Центр европейской социологии, имеющий обширные международные научные контакты и программы, а также журнал «Учёные труды в социальных науках» («Actes de la recherche en sciences sociales»), который в настоящее время является, наряду с «Французским социологическим журналом» («Revue française de sociologie»), одним из ведущих социологических журналов Франции.

Наиболее важным этапом на пути признания заслуг Пьера Бурдьё стало его избрание в 1981 году действительным членом Французской Академии и получение им почётного поста заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс. В настоящее время Бурдьё является автором 26 монографий и многих десятков статей, опубликованных в крупнейших научных журналах Франции и других стран. Его работы переводятся на все европейские языки и имеют широкий резонанс в международном научном сообществе.

Общая характеристика социологической концепции Пьера Бурдьё

Социология Пьера Бурдьё носит глубоко критичный и рефлексивный характер. Его диалектичное и порой парадоксальное мышление направлено на критику не только социальной или политической реальности переживаемого периода, но и на саму социологию как инструмент познания социального мира. Именно поэтому в работах Бурдьё большое место занимает социология социологии. Начиная со своих первых книг: «Социология Алжира» [«Sociologie de L'Algerie»] (1961), «Педагогическое отношение и коммуникация» [«Rapport pedagogique et Communication»] (1965), «Ремесло социолога» [«Le Metier de sociologue»] (1968) и кончая одной из последних — «Ответы» [«Reponses»] (1992), Пьер Бурдьё постоянно анализирует онтологический и социальный статус социологии в современном обществе, свободу и предопределённость в выборе предмета и объекта исследований, независимость и политическую ангажированность социологов.

Обращая внимание социологов на необходимость применения социологического анализа к самой социологии как одной из областей социального универсума, подчинённой тем же законам, что и любая другая область, Бурдьё отмечает, что деятельность социолога направляется не одними лишь целями познания, но и борьбой за собственное положение в научной среде. «Значительная часть социологических ортодоксальных работ, — пишет он, — обязана своим непосредственным социальным успехом тому факту, что они отвечали доминирующему заказу, часто сводящемуся к заказу на инструменты рационализации управления и доминирования или к заказу на «научную» легитимацию спонтанной социологии доминирующих» [1].

Для Бурдьё характерно глубокое пренебрежение междисциплинарным делением, накладывающим ограничения как на предмет исследования, так и на применяемые методы. В его исследованиях сочетаются подходы и приёмы из области антропологии, истории, лингвистики, политических наук, философии, эстетики, которые он плодотворно применяет к изучению таких разнообразных социологических объектов как: крестьянство, искусство, безработица, система образования, право, наука, литература, брачно-родственные союзы, классы, религия, политика, спорт, язык, жилище, интеллектуалы и государственная «верхушка» и так далее.

Когда проводят границу между эмпирической социологией и теоретической, то обычно говорят, что эмпирическая социология изучает реальные факты и явления, интерпретируемые в рамках абстрактной модели, которая и является теоретической социологией.

Эмпирическая социология, базируясь на конкретных данных, а priori интегрирована в наблюдаемую ей социальную реальность, тогда как теоретическая социология в своих

рассуждениях старается встать на некую объективную «сверхрефлексивную» позицию, расположенную как бы над обществом. Подобное деление на эмпирическую и теоретическую социологию абсолютно неприменимо к работам Бурдьё. Отвергая «непрактическую», не вовлечённую в социальную жизнь стратегию теоретического исследования как «наблюдения за наблюдателем», автор выстраивает свои работы как человек, чьи интересы инвестированы в действительность, которую он изучает. Поэтому главное для Бурдьё — зафиксировать результат, произведённый ситуацией наблюдения на само наблюдение. Это означает решительный разрыв с традицией, утверждающей, что теоретику «нечего делать с социальной действительностью, кроме как объяснять её» [2].

Отход от подобной «неинвестированной в социальную жизнь» стратегии исследования означает, во-первых, экспликацию того обстоятельства, что социолог не может занимать некую уникальную, выделенную позицию, с которой ему «видно все» и весь интерес которой сводится только к социологическому объяснению; во-вторых, социолог должен перейти от внешнего (теоретического) и незаинтересованного понимания практики агентов к пониманию практическому и непосредственно заинтересованному.

«Социолог противостоит доксософу тем, что ставит под сомнение вещи, кажущиеся очевидными... Это глубоко шокирует доксософов, которые видят политическую предвзятость в факте отказа от подчинения, глубоко политического, выражающегося в бессознательном принятии общих мест в аристотелевском смысле слова; понятий или тезисов, которыми аргументируют, но о которых не спорят». [3]

Логика исследований Бурдьё в корне противоположна чистому теоретизированию: как «практический» социолог и социальный критик он ратует за практическую мысль в противовес «чистой» мысли или «теоретической теории». Он неоднократно подчёркивает в своих книгах, что теоретические определения не имеют сами по себе никакой ценности, если их нельзя заставить работать в эмпирическом исследовании.

Диалектика социального агента

Вводя агента в противоположность субъекту и индивиду, Бурдьё стремится отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности. Он подчёркивает, что понятие «субъект» используется в широко распространённых представлениях о «моделях», «структурах», «правилах», когда исследователь как бы встаёт на объективистскую точку зрения, видя в субъекте марионетку, которой управляет структура, и лишает его собственной активности. В этом случае субъект рассматривается как тот, кто реализует сознательную целенаправленную практику, подчиняясь определённому правилу. Агенты же у Бурдьё «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы» [4]. Агенты осуществляют стратегии — своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. Бурдьё предлагает в качестве основы для объяснения практики агентов не теоретическую концепцию, построенную для того, чтобы представить эту практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», а описывает саму логику практики через такие её феномены, как

практическое чувство, габитус, стратегии поведения.

Одним из базовых понятий социологической концепции Пьера Бурдьё является понятие габитуса, позволяющее ему преодолеть ограниченность и поверхностность структурного подхода и излишний психологизм феноменологического. Габитус — это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определённых жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определённым — тем, а не другим — способом. Габитус, таким образом, «есть продукт характерологических структур определённого класса условий существования, то есть: экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и тому подобного)» [5].

Габитус, по Бурдьё, есть в одно и то же время порождающий принцип, в соответствии с которым объективно классифицируется практика, и принцип классификации практик в представлениях агентов. Отношения между этими двумя процессами определяют тип габитуса: способность продуцировать определённый вид практики, классифицировать окружающие предметы и факты, оценивать различные практики и их продукты. (то, что обычно называют вкусом), что также находит выражение в пространстве стилей жизни агентов.

Связь, устанавливаемая в реальности между определённым набором экономических и социальных условий (объём и структура капиталов, имеющихся в наличии у агента) и характеристиками занимаемой агентом позиции (соответствующим пространством стилей жизни), кристаллизуется в особый тип габитуса и позволяет сделать осмысленными как сами практики, так и суждения о них.

Двойственная природа социального пространства и социальных позиций

Главную задачу социологии Бурдьё видит в выявлении наиболее глубоко скрытых структур различных социальных сред, которые составляют социальный универсум, а также механизмов, служащих его воспроизводству и изменению. Особенность этого универсума заключается в том, что оформляющие его структуры «ведут двойную жизнь». Они существуют в двух ипостасях: во-первых, как «реальность первого порядка», данная через распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей («виды капитала» по Бурдьё); во-вторых, как «реальность второго

порядка», существующая в представлениях, в схемах мышления и поведения, то есть как символическая матрица практической деятельности, поведения, мышления, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов.

Бурдьё пишет: «Прежде всего социология представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, то есть, свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещён в позиции и в классы, определённые по отношению к соседним позициям (то есть в определённой области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно». [6]

Говоря о позиции агентов в пространстве, Пьер Бурдьё подчёркивает тот аспект, что социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в «чистом виде»: только как социальное или только как физическое: «... Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура». [7].

Социальное пространство поэтому не есть некая «теоретически оформленная пустота», в которой обозначены координаты агентов, но воплотившаяся физически социальная классификация: агенты «занимают» определённое пространство, а дистанция между их позициями — это тоже не только социальное, но и физическое пространство.

Для того, чтобы понять, что же находится «между» агентами, занимающими различные позиции в социальном пространстве, нужно «отойти» от привычного рассмотрения «социального субъекта» и обратиться к тому, что делает позицию в пространстве не зависящей от конкретного индивида. Здесь следует ещё раз подчеркнуть употребление Бурдьё понятия «агент», отражающего в первую очередь такие качества индивида, как активность и способность действовать, быть носителем практик определённого сорта и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве.

Следовательно, можно сказать, с одной стороны, что совокупность позиций в социальном пространстве (точнее, в каждом конкретном поле) конституируется практиками, а с другой стороны, — что практики есть то, что «находится» между агентами. Пространство практик, таким образом, так же объективно, как и пространство агентов. Социальное пространство как бы воссоединяет оба эти пространства — агентов и практик — при постоянном и активном их взаимодействии.

Таким образом, общество как «реальность первого порядка» рассматривается в аспекте социальной физики как внешняя объективная структура, узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться». Субъективная же точка зрения на общество как на «реальность второго порядка» предполагает, что социальный мир является «контингентным и протяжённым во времени осуществлением деятельности уполномоченных социальных агентов, которые непрерывно конструируют социальный мир

через практическую организацию повседневной жизни» [8].

Говоря о социальном пространстве как «пространстве второго порядка», Бурдьё подчёркивает, что оно есть не только «реализация социального деления», понимаемого как совокупность позиций, но и пространство «видения этого деления»: vision и division, а также не только занятие определённой позиции в пространстве (поле) — position, но и выработка определённой (политической) позиции — prise de position. «Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур». [9]

Противопоставление объективизма и субъективизма, механицизма и целеполагания, структурной необходимости и индивидуальных действий является, согласно Бурдьё, ложным, поскольку эти пары терминов не столько противостоят, сколько дополняют друг друга в социальной практике. Преодолевая эту ложную антиномию, Бурдьё предлагает для анализа социальной реальности социальную праксеологию, которая объединяет структурный и конструктивистский (феноменологический) подходы. Так, с одной стороны, он дистанцируется от обыденных представлений с целью построить объективные структуры (пространство позиций) и установить распределение различных видов капитала, через которое конституируется внешняя необходимость, влияющая на взаимодействия и на представления агентов, занимающих данные позиции. С другой стороны — он вводит непосредственный опыт агентов с целью выявить категории перцепции и оценивания (диспозиции), которые «изнутри» структурируют поведение агента и его представления о занимаемой им позиции.

Конституирование социальных полей и их основные свойства

Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них (эти позиции находятся в отношении гомологии друг с другом). Поле, по Бурдьё, — это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают.

При синхронном рассмотрении поля представляют собой структурированные пространства позиций, которые и определяют основные свойства полей. Анализируя такие различные поля, как например, поле политики, поле экономики, поле религии, Пьер Бурдьё обнаруживает инвариантные закономерности их конституирования и функционирования: автономизация, определение «ставок» игры и специфических интересов, которые несводимы к «ставкам» и интересам, свойственным другим полям, борьба за установление внутреннего деления поля на классы позиций (доминирующие и доминируемые) и социальные представления о легитимности именно этого деления и так далее. Каждая

категория интересов содержит в себе индифферентность к другим интересам, к другим инвестициям капитала, которые будут оцениваться в другом поле как лишённые смысла. Для того, чтобы поле функционировало, необходимо, чтобы ставки в игре и сами люди были готовы играть в эту игру, имели бы габитус, включающий знание и признание законов, присущих игре.

Структура поля есть состояние соотношения сил между агентами или институциями, вовлечёнными в борьбу, где распределение специфического капитала, накопленного в течение предшествующей борьбы, управляет будущими стратегиями. Эта структура, которая представлена, в принципе, стратегиями, направленными на её трансформацию, сама поставлена на карту: поле есть место борьбы, имеющее ставкой монополию легитимного насилия, которая характеризует рассматриваемое поле, то есть в итоге сохранение или изменение распределения специфического капитала.

Пьер Бурдьё даёт ответ на часто встречающийся вопрос о связи и отличии «поля» и «аппарата» в смысле Альтюссера или «системы» у Лумана. Подчёркивая существенность отличия «поля» от «аппарата», автор настаивает на двух аспектах: историзм и борьба. «Я настроен очень против аппарата, который для меня является троянским конём худшего функционализма: аппарат — это адская машина, запрограммированная на достижение определённых целей. Система образования, государство, церковь, политические партии, профсоюзы — это, не аппараты, а поля. В поле агенты и институции борются в соответствии с закономерностями и правилами, сформулированными в этом пространстве игры (и, в некоторых ситуациях, борются за сами эти правила) с различной силой и поэтому различна вероятность успеха, чтобы овладеть специфическими выгодами, являющимися целями в данной игре. Доминирующие в данном поле находятся в позиции, когда они могут заставить его функционировать в свою пользу, но должны всегда рассчитывать на сопротивление, встречные требования, претензии, «политические» или нет, тех, кто находится в подчинённой позиции». [10]

Конечно, в некоторых исторических условиях, которые должны быть изучены эмпирически, поле может начать функционировать как аппарат: тоталитарные институции (ссылка, тюрьма, концентрационный лагерь) или диктаторские государства сделали массу попыток, чтобы добиться этого. Таким образом, аппараты представляют предельный случай, нечто, что можно рассматривать как патологическое состояние поля.

Что же касается теории систем, здесь можно найти некоторое поверхностное сходство с теорией полей. Можно было бы легко перевести концепты «самореферентности» или «самоорганизации» как то, что П. Бурдьё понимает под понятием автономии; в этих двух случаях действительно процесс дифференциации и автономизации играет главную роль. Но различия между этими двумя теориями, тем не менее радикальны. В первую очередь, понятие поля исключает функционализм и органицизм: поскольку продукты данного поля могут быть систематическими не будучи продуктами системы и, в частности, той, которая характеризуется общими функциями, внутренней связностью. Если верно то, что можно рассматривать входящие в пространство возможного занятые позиции как систему, то тем не менее они формируют систему различий, разграничительные и антагонистические различия, развивающиеся не в соответствии с их собственным внутренним движением

(как подразумевает принцип самореферентности), а через внутренние конфликты с полем производства. Поле есть место отношений сил — а не только смысла — и борьбы, направленной на трансформацию этих отношений и, как следствие, это место непрерывного изменения. Связность, которую можно наблюдать в определённом состоянии поля, её внешнее проявление как ориентации на какую-то одну определённую функцию (например, в случае *Grandes Ecoles* во Франции — воспроизводство структуры поля власти) являются продуктами конфликта и конкуренции, а не имманентного структуре некоего саморазвития.

Другим важным отличием является то, что поле не имеет частей, составляющих. Каждое субполе имеет свою собственную логику, свои правила, свои специфические закономерности, и каждый этап деления поля вызывает настоящий качественный скачок (как, например, когда переходят от уровня поля политики в целом к субполю международной политики государства). Каждое поле конституирует потенциально открытое пространство игры, ограничения которого есть динамические границы, являющиеся ставками в борьбе внутри самого этого поля. Иначе говоря, для более полного понимания, что разделяет концепты «поле» и «система», нужно рассматривать их в действии и сравнивать их, исходя из произведённых ими эмпирических объектов.

В своей теории экономики полей Бурдьё отмечает необходимость всякий раз идентифицировать те специфические формы, в которых проявляются в различных полях наиболее общие концепты и механизмы (капитал, инвестирование, интерес и др.) — и избегать, таким образом, какого бы то ни было редукционизма, но, особенно, редукционизма экономического, признающего лишь материальные интересы и стремление максимизировать денежную выгоду.

Вопрос о политическом и анализ поля ПОЛИТИКИ

Собранные в данной книге работы Бурдьё, касающиеся его анализа политики, отвечают не сиюминутному запросу оценить расстановку политических сил, но фундаментальной потребности получить социологический инструмент анализа политики как специфической социальной реальности. Бурдьё изучает не партии и политические течения или реальных политиков — этого читатель не найдёт в книге, — но социальный механизм формирования политических партий и политических мнений, одним из которых является делегирование. Он рассматривает поле политики как рынок, в котором существуют производство, спрос и предложение продукта особого сорта — политических партий, программ, мнений, позиций. Применяя общую концепцию строения и функционирования социального поля, Пьер Бурдьё последовательно рассматривает специфические принципы распределения в поле политики доминирующих и доминируемых позиций, власти, а также механизмов легитимного насилия и навязывания определённого видения распределения политических сил и — более широко — деления социального пространства.

Как социолог Бурдьё регулярно обращался к исследованию политических сюжетов, что следует также из работ, публикуемых в данной книге — они датируются разными годами, но как гражданин он всегда сторонился политики и никогда не вступал ни в одну партию. Однако в последнее время, особенно после войны в Персидском заливе, Бурдьё стал выступать за активную роль социолога в политическом процессе, за то, что необходимо анализировать и развенчивать современную нам политику, не оставляя область производства политического продукта на одних лишь политиков, чтобы избежать символического, да и прямого манипулирования, навязывания определённых (доминирующих) точек зрения.

«Всё происходит так, — пишет Бурдьё, — как если бы всё более и более неумолимая цензура научного мира, всё более и более озабоченная своей автономией (реальной или видимой), всё более и более жёстко навязывала себя исследователям, которые для того, чтобы заслужить звание учёного должны были убивать в себе политика, уступая тем самым утопическую функцию менее щепетильным и менее компетентным из собратьев, либо же политическим деятелям или журналистам». И добавляет: «... Я считаю, что ничто не оправдывает это сциентистское отречение, которое разрушает политические убеждения, и что настал момент, когда учёные совершенно полноправно обязаны вмешаться в политику... со всем авторитетом и правом, которое даёт принадлежность к автономному универсуму науки». [11] Бурдьё рассматривает поле политики совсем иным образом, чем это стало принято теперь в нашей прессе: то есть не как нечто данное объективно и независимо от нас, то на что мы можем реагировать каким-либо способом, но не можем изменить (в первую очередь потому, что этому [Перестройке, Ельцину, Рынку, Реформе и так далее] — «нет альтернативы»). Для него поле политики является условием и постоянно производящимся и институирующимся результатом политической практики.

В русле целостной концепции поля анализ борьбы, которую ведут агенты в поле политики, представляет собой также анализ сил, направленных на сохранение или изменение сложившейся социально-политической структуры и на легитимацию власти доминирующих в политическом поле. Бурдьё показывает, что основной ставкой в политической игре являются не только и даже не столько монополия использования объективированных ресурсов политической власти (финансов, права, армии и так далее), сколько монополия производства и распространения политических представлений и мнений: именно они обладают той «мобилизующей» силой, которая даёт жизнь политическим партиям и правящим группировкам.

Если рассматривать интегрированность агента в политическую практику как сознательную деятельность, то её нужно объяснять либо в терминах, описывающих сознание субъекта, либо в терминах политической позиции, то есть со стороны двух принципиально различных механизмов порождения актов политической практики. С одной стороны, часть политических действий субъекта обусловлена рефлексией, рациональными «проектами будущего» и так далее, а с другой — способностью спонтанно воспринимать, оценивать и действовать в рамках сложившихся социальных форм. Можно сказать, что, если политическая практика субъекта регулируется его сознанием, то политическая стратегия агента представляет собой реализацию необходимости, присущей политической ситуации. Политическая стратегия агента не является результатом сознательного стремления на

основе знания, но вместе с тем она и не продукт внешнего принуждения: было бы неверно редуцировать субъективность агента только к интериоризованной форме отношений поля политики или к легитимному насилию. Однако для того, чтобы агент, объективируя свою субъективность в политическом действии, мог добиваться результатов, он должен располагать определёнными капиталами — специфическими знаниями и навыками, признанным статусом, «авторитетом», связями и так далее.

Согласно Бурдьё, исследование поля политики с необходимостью должно включать рассмотрение условий доступа к политической практике и её осуществлению. Поле политики оформляется различиями активных характеристик агентов, которые придают их обладателям власть в поле (способность действовать эффективно) и являются, собственно, видами власти в этом поле. Каждая политическая позиция описывается специфическими сочетаниями этих характеристик, определена отношениями с другими позициями. Все в поле политики — позиции, агенты, институты, программные заявления, комментарии, манифестации и так далее — может быть понято исключительно через соотнесение, сравнение и противопоставление, через анализ борьбы за переопределение правил внутреннего деления поля.

Заканчивая это краткое введение, хочется привести слова Бурдьё, обращённые к социологам:

«... Я хотел бы, чтобы социологи были всегда и во всём на высоте той огромной исторической ответственности, которая выпала на их долю, и чтобы они всегда привлекали в своих действиях не только свой моральный авторитет, но и свою интеллектуальную компетенцию. Вслед за Карлом Краусом я хочу сказать, что «отказываюсь выбирать из двух зол меньшее». И если я полностью отказываюсь прощать грехи «безответственности» интеллектуалам, то в ещё меньшей степени я склонен это делать в отношении «ответственных» интеллектуалов, «полиморфных» и «полиграфных», которые в перерыве между двумя административными советами, тремя коктейлями с участием прессы и несколькими появлениями на телевидении выдают каждый год по новой публикации» [12].

Примечания

1 Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Minuit, 1987. — p. 61.

2 Ibid. — p. 75–76.

3 Интервью с Пьером Бурдьё, опубликованное в газете «Monde», 14 января 1992 года.

4 Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Minuit, 1987. — p. 19.

5 Bourdieu P., Passeron J.-C. *La Reproduction*. Paris: Minuit, 1971. — p. 50.

6 См. в данной книге раздел: Социальное пространство и генезис «классов».

7 См. в данной книге раздел: «Физическое и социальное пространства».

8 Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987. — p. 113.

9 См. в данной книге раздел: «Физическое и социальное пространства».

10 Bourdieu P (avec Loic J. D. Wacquant). Reponses. Paris: Seuil, 1992. — p. 78.

11 См. в данной книге раздел: «Политический монополизм и символические революции».

12 Интервью с Пьером Бурдьё, опубликованное в газете «Monde», 14 января 1992 года.

Версия #2

Зверобой создал 16 января 2026 19:52:07

Зверобой обновил 18 января 2026 03:57:32